легкость и удовольствие от скольжения по белой целине навстречу горизонту, ослепительно искрящемуся в лучах солнца. Ощущение полета и эйфории, легкий шум тугих ледяных струй, омывающих наш «звездолет», делали тесноватый для шести по-зимнему одетых людей салон еще уютнее и теплее. Когда исчезли из виду берега и какие-либо ориентиры — только ровное, как скатерть, белое безмолвие под бездонным куполом голубейшего неба, мы сделали остановку, чтобы размяться и сфотографироваться. Здесь уже в полной мере все почувствовали красоту и жесткость снежной пустыни и нешуточного мороза. Где-то между лопаток возникло ощущение легкой жути, — оттого что под ногами огромная толща воды и снега до горизонта, — человек, как песчинка, может затеряться в ней и неминуемо погибнуть. Перемещаться по снегу оказалось почти невозможно, так он был глубок и пушист.

Незаметно приблизился берег, мы вошли в Кижские шхеры. Лес, густой шапкой покрывающий каждый клочок суши, в этих местах был сказочно красив в покрывале снега и инея. Многократно отражаясь, солнце дробилось в этом морозном кружеве.

В шхерах скорость и движение были особенно ощутимы, мизансцены постоянно менялись. Проплывали острова и тростниковые заросли, торчащие из снега. Наконец показался малый Леликовский остров с едва заметными признаками жилья: в отдалении чернела церковь с колокольней, остатки изб, а на противоположном, совершенно девственном краю острова в морозном мареве приветливо вился вверх дым из трубы нашего зимовья. Остров был не похож на соседние тем, что весь был покрыт можжевеловыми зарослями. Причем можжевельников величиной с небольшой кипарис я нигде больше не встречал — здесь же их было множество.

Зимовье встретило нас оглушающей тишиной и огромными сугробами. Снег под ногами оглушительно скрипел, как крахмал. Нырнув в дом, мы разделись, бросили вещи и, наслаждаясь теплом жарко натопленной печи, сели за стол. Нас уже ждал обед, целиком состоящий из рыбы. Аппетитная уха, рюмка водки, смех и шутки — что еще надо, когда за окном трескучий мороз и снежное безмолвие. Едва мы перекусили, Федор скомандовал подъем, и все отправились на «звездолете» проверять — «похожать», как здесь говорят, — сети. Я это мероприятие специально включил в программу, зная, какое это зрелище. Минут через двадцать мы уже высаживались на лед у едва приметной вешки на большой воде. Разбросав снег и обнажив деревянный щит, все с любопытством наблюдали за непонятным процессом зимнего лова сетями. Под щитом открылась прорубь, затянутая свежим ледком. Два человека с пешней и крючком ушли метров за сто

к другой вешке и, сделав лунку, поймали конец одной сетки. Привязав к ней длинный фал, дали знак — и у центральной проруби закипела работа. Сеть аккуратно вытаскивали из проруби и укладывали на лед. По мере вытравливания из водной глубины стали появляться трофеи. Каждый отзывался в груди сладким сердцебиением, хорошо знакомым всякому рыбаку. На снег падала то щука, то судак, то налим. Особую радость и ажиотаж вызывала форель, сиг или лосось. Когда сеть была проверена, человек, стоявший у дальней лунки, перекидывал фал через плечо и медленно шел в противоположную сторону, вновь затягивая сеть в воду. Потом переходил метров на сто по часовой стрелке и снова по еле видимой отметине находил место закрепления следующей сети и, выловив ее конец крючком, привязывал к нему фал. И мы вновь наблюдали, как из проруби вместе с сетью появлялась дымящаяся от мороза рыба. Это зрелище завораживало еще и потому, что каждый русский любит поглядеть, как работают другие. Жутковато было смотреть, как Володя голыми руками выпутывал рыбу из сетей и «похожал» — священнодействовал, не чувствуя мороза. Скоро стала ясна вся схема. Сетей было четыре, и они располагались крестом от центральной лунки. Рыбы набрался целый мешок. Изрядно замерзнув, мы с удовольствием занырнули в теплое чрево «Хивуса» и пустились в обратный путь. Морозный воздух, сытость и тепло сделали свое дело — все мои московские приятели уснули, как будто их выключили. Я подумал, что мороз и солнце русской зимы полезны кроме прочего еще и потому, что все микробы здесь погибают каждую зиму, а где-нибудь во Вьетнаме могут размножаться до бесконечности. Рыба на севере, хоть и растет медленнее, зато отменно вкусна и полезна. Вот вам и секрет русского здоровья: натуральная пища, кислород, чистейшая вода, хрустальный воздух и движение. Поэтому и можжевельники здесь растут, по нашим прикидкам, трехсотлетние с толщиной ствола до двадцати сантиметров и высотой метров десять. Федор рассказывал, что на этом острове встречается множество растений, давно занесенных в Красную книгу.

Одна из загадок Онежского озера — шунгит, минерал с чудесными лечебным свойствами, не встречающийся больше нигде в мире. Благодаря шунгитовым пластам, залегающим под озером, его воды кристально чисты и вкусны.

На втором этаже нашего зимовья для гостей было приготовлено помещение с четырьмя спальными местами. Аскетизм обстановки и не слишком теплый туалет на дворе вопреки ожиданию ничуть не омрачили наше настроение. Было тепло, чисто, вкусно и, самое главное, можно было расслабиться, переключившись с повседневных забот московской жизни на новые ощущения. Скромный быт, еда и тепло в этом суровом мире казались почти царской роскошью. Мысленно возвращаясь к русским и русской зиме, я думал, что предки так жили веками, строили храмы, растили детей и были счастливы уже тем, что здесь, на краю империи, никто не мешал дышать свободно. Но и рассчитывать можно было только на собственные силы — до Бога высоко, до царя далеко.

На следующий день после обильного завтрака мы сели на «звездолет» для прогулки по окрестностям. Зимний морозный день был так же великолепен, как и вчерашний. Пушистые снега, заиндевелые острова пролетали мимо. Наш корабль несся, оставляя за собой длинный шлейф снежной пыли. Со стороны мы похожи были на сказочный фантом, единственно подвижный в этом застывшем пейзаже. Подъехав к деревне Иглово, с удовольствием побарахтались в сугробах, сфотографировались у часовни и помчались дальше. Из-за поворота показались знаменитые Кижи. Сила